

Н.А. Кожевникова

О ПАРОНИМИИ В РУССКОЙ ПРОЗЕ

В статье “О символизме и научной поэтике” Г.О.Винокур иронизировал над соображениями А.Белого о соотношении звука и смысла, высказанными им в “Глоссолалии” (Винокур, 1976). Однако смысловое сближение слов на основе звуковой близости привлекало внимание Г.О.Винокура. В статье “Понятие поэтического языка” он писал: “Сближая в тексте слова, давно утратившие ту взаимную связь, которой они обладали в силу своего этимологического родства или даже и вовсе никогда этой связи не имевшие, поэт как бы открывает в них новые, неожиданные смыслы, внешне мотивируемые самым различным образом: то шуткой, то глубоким раздумием”² (Винокур, 1991).

Звуковая близость слов лежит в основе двух родственных явлений – паронимии и поэтической этимологии. Паронимия в стихах описана достаточно подробно, паронимия в прозе значительно меньше, хотя материал свидетельствует о том, что в стихах и в прозе происходят сходные процессы.

В прозе XIX в. паронимия занимает незначительное место. Тем не менее отдельные ее проявления встречаются у многих писателей XIX в. – А.Марлинского, Н.Гоголя, И.Тургенева, И.Гончарова, Ф.Достоевского, Л.Толстого, А.Чехова. В начале XX в. интерес к паронимии возрастает. Паронимия продолжает развиваться в классическом стиле – например, в прозе И.Бунина, и становится одной из примет сложного стиля (А.Белый, М.Цветаева).

Паронимические сочетания характерны не только для прозы некоторых поэтов (А.Белый (Кожевникова, 1983), М.Цветаева, В.Набоков), но и для прозы собственно прозаиков (Е.Замятин, Б.Пильняк, С.Кржижановский).

Сочетание близкозвучных слов сопровождают метаязыковые комментарии. Таков фрагмент из романа И.Тургенева “Отцы и дети”, на который обратил внимание Г.О.Винокур: “Не находите ли, что яшень по-русски очень хорошо назван? Ни одно дерево так легко и ясно не сквозит в воздухе, как он”.

Неоднократно указывает на двойное – звуковое и смысловое – родство некоторых слов М.Цветаева: “Три слова являют нам Брюсова: воля, вол, волк. Триединство не только звуковое – смысловое: и воля – Рим, и вол – Рим, и волк – Рим. Трижды римлянином был Валерий

Брюсов: волей и волом – в поэзии, волком (*homo homini lupus est*) в жизни”.

Паронимы образуют синтаксически связанные сочетания, основное место среди которых занимают однородные члены. В прозе XIX–XX вв. использованы всевозможные типы сочетаний (Григорьев, 1979).

Словосочетания вокалического типа: дрогнула дорога (Гоголь), раскаленные скалы (Лесков), торопливо и трепетно (Тургенев), пристально и просительно (Л.Толстой), венки и веники, ворон верный (Ремизов), ее обожать нужно, а не обижать; следы остыли, ветер остался (Цветаева).

Сочетания метатетического типа: в долинах, горах, облаках и льдинах (Л.Толстой), Всякое творчество <...> – перебарыванье, перемалыванье, переламыванье жизни – самой счастливой (Цветаева).

Сочетания эпентетического типа, в которых одно слово отличается от другого вставкой согласного: гостей развели и развезли; она одна как будто не замечала ни приветов, ни воздыханий, ни взоров, ни вздоров, которыми ее осыпали (Марлинский), просоленный и просмоленный грек (Куприн).

Сочетания консонантного типа: глубь и глушь сада; Таких беззубеньких, кисленьких, дряхленьких, дрябленьких звуков Нежданов не слыхивал отроду... (Тургенев), душистые, пушистые каши (Л.Толстой).

Консонантные паронимы разных типов находят широкое применение в прозе Цветаевой. Не совпадают начальные согласные: горы и норы. В горе и норе живет; Догом тебя вижу, голубчик, то есть собачьим богом; Зал и бал – естественная родина Гончаровой; ... забывая и фон и тон той удушающей эпохи; Города и люди те же, лишь беглым игралищем мне служившие – застывают: на том самом месте, на том самом жесте; пешая и лешая судьба России.

Не совпадают конечные согласные: ... гардероб – грот, а коридор – гроб...; ... не лучше ли, в просторе, и в простоте, и даже в простонародности своей, это неопределенное обозначение – точного часа и даты?.

Не совпадают согласные в основе слова: Кипение конторское, кишение газетное.

В прозе XIX–XX вв. преобладают двучленные словосочетания. Реже используется многократный повтор: приторным, противным, петербургским французским языком; Это было неуклюжее строение, просторное и пространное (Тургенев). В прозе XX в. количество многократных повторов увеличивается: в окошке – закрещенная

решеткой крошечная заря; черная черта бровей вдруг зачеркивала мальчишеское лицо Диди (Замятин), Эта ночная прогулка, которая, казалось, будет так обильна печальными, беспечными, поющими, шепчущими впечатлениями... (Набоков), Плес ослепительно блестит (Бунин), Крутится, кружится, крошится крушина; Думай лучше о пахоте. Вот жарким весенним утром пахота. Пахота... пауза... похоть... пахтанье... похоть (Вс.Иванов).

Звуковые ассоциации диктуют развитие мысли, переходы от одной темы к другой, например, в очерке М.Цветаевой "Мать и музыка": *Педадь* мне, кстати, была строго воспрещена... Но у педали была еще одна – словесная родня: *педель*, педель студенческих сходок, педель, забравший на сходке нашего с Асей до собачьего вою любимого Аркадия Александровича (Аркаксаныча), Андрюшиного репетитора. Педелем вызвано второе мое в жизни стихотворение... Педель, мнившийся мне огромным, выше всего этого двора, и забирающий студентов (Аркаксанычей) свыше, огромной раскоряченной лапой, как Людоед – мальчиков с пальчиков. Людоед – но так как это все-таки университетский служитель – то весь в медалях. И, конечно, такой же один, как педали – две. Но, назвав педеля, не могу не упомянуть его словесной родни: *Пуделя*, белого ученого Капи из "Sans Famille", который рвет педеля за *панталоны* – тогда педель Аркаксаныча выпускает, – и их общей, педеля и педали, словесной родни, двоюродной сестры *падали*, той падали, которой пахнет – одну секунду – и каждый раз – и безумно сильно в бузине, у самого подступа к нашей тарусской даче, падали, от детства и Тарусы такой родной и мной-самой, что каждый раз, как это слово слышу – оборачиваюсь.

Разные паронимические сочетания помещаются в непосредственной близости друг от друга: Внешняя жизнь у всех пожирателей, прожигателей, – жрущих, жгущих и ждущих; после настроений – нестроений – расслоений – после задушенностей – задушевностей – вдруг "Будем, как солнце!" – Бальмонт, "Риму и Миру" – Брюсов (Цветаева).

Тропы, осложненные паронимией, в прозе XIX в. немногочисленны. Это по преимуществу сравнения: деревья, увитые листьями, как винтом; пропасть ущелия зияет и рычит внизу, как пасть чудовища (Марлинский), свежую и крепкую, как ядреная репа (Гоголь), Пухлы эти господа <...> как пуховики (Тургенев), Даже ассистентки графини сморщились, как сморчки; кастаньеты, которые хрустели, как кости (Лесков), ... вялые и сонные, как осенние мухи; со своими покойными, как тень, тонами (Чехов). Метафоры разных типов единичны: грусть тихо грызла мне сердце (Тургенев), Небосклон, по которому катились

и падали наливчатые серебряные яблоки легких облаков (Марлинский).

Тропы, взаимодействующие с паронимией, активизируются в прозе первой трети XX в. Это также в первую очередь сравнения, в которых звуковая близость связывает предмет и образ сравнения: и крыши у них как крылья у птиц на первом взмахе от земли; туча медвежьей тушей свалилась на немцев; и полати качнуло, и они поплыли, поплыли, как большой плот на бурной реке (Клычков), пихты были как пики (Вс.Иванов), Груды – как две темных тугих груши; крупная и цветистая, как хвост павлина, волна... (Бунин), Ветер... колыхал огромные голубые, как глобусы, мячи (Домбровский). Звуковая близость связывает не предмет и образ сравнения, а предмет сравнения и определение при образе сравнения: Куропатки крупным жемчугом белеют (Чапыгин), Тучными животами выпячивались тучи (Пильняк). Реже звуковая близость связывает образ сравнения и его признак: белеет бельмом облако; Женщины раскрывались, как раковины (Замятин), ... белым корабликом заколебался лебедь на Женевском озере (Осоргин), И в глазах рябит, как куст рябины, как небесное тряпье: диаграммы (Эренбург).

Именные и глагольные метафоры, осложненные звуковой близостью, также редки: зеленые зарницы озорных глаз; горячая волна трепетных и страстных волнений (Сологуб), синяя майская майолика неба, мудрая морда луны (Замятин), черные букашки букв (В.Катаев), Море мурлыкало под солнцем (Замятин), горели горы апельсинов в синеве ранних сумерек...; ... когда хрустит хрусталь печали, как льдинка под ногой (Набоков).

Паронимией осложнено варьирующееся сравнение-лейтмотив в романе Д.Мережковского "Александр Первый": устремленная, как стрела на тетиве; увидел в лице ее недвижимую стремительность: стрела на тетиве, слишком натянутой; ... видно было все ее тело, облитое белой тканью, как будто обнаженное, изваянное, тонкое, острое, стройное, стремительно-недвижное – стрела на тетиве, слишком натянутой; вся тонкая, острая, стройная, стремительная, как стрела летящая.

Паронимические сочетания используются не только в авторском повествовании, но и в речи персонажей: – Старая борода, не бредишь ли? – прервала дура Екимовна; Поп в гостях, черти на погосте (Пушкин), молчи, мальчишка; да отворишь ли ты, чертово веретено; чужая сторона хоть кого старит; Не робей, ребята! (Марлинский), Да ты понюхай, как пахнет! – кричу я (Л.Толстой).

Паронимы лежат в основе некоторых каламбуров: стоит только турок вытурить (Тургенев), у жида дожидался (Л.Толстой), –

Уморительный маскарад! – говорил Розанов тулупу. – Именно уморительный, потому что умариваешься, как черт, – отвечал тулуп (Лесков), ср. в повествовании: или играет до утренних петухов, или хочет победить петухов за бокалом (Марлинский).

Имена собственные также приобретают звуковые отражения в тексте: Господин Голядкин глядел-глядел...; барон Бьоринг; Шигалев твердо шагнул к нему три шага (Достоевский), Вронский вернулся; Жил так Жилин с товарищем месяц целый; Морель, сморщившись, смеялся (Л.Толстой), Паклина как будто что-то кольнуло (Тургенев), Праша пришла (Лесков), Слова Годунова также пришли ему на память, и он горько усмехнулся, вспомнив, с какой уверенностью Годунов говорил о своем знании человеческого сердца. “Видно, – подумал он, – не все умеют угадывать, Борис Федорыч!” (А.К.Толстой), Травников отравляет себя тоской по бессмертию и вечному блаженству; Ахинеев поглядел на осетра и ахнул; крикнул Кирьяк (Чехов), Привалов провел в Петербурге очень бурную молодость (Мамин-Сибиряк), передал Передонову; – Передумал, – буркнул Передонов; Молин ... мямлил трогательные слова; Вера вернулась из рощи домой одна, немного задумчивая (Сологуб), только далеко позади топал отставший Топпи (Л.Андреев), В день отъезда зашел проститься Протасов; Семен, который должен был сменить сына; сменяя тишину, Семен надел очки (Бунин), Молочко без отдыха молот что-то над ухом; Но все еще крутится, кипит Корторма (Замятин), Вернулась Варенька в свой белый дом (Ремизов), Напился как-то Палон Палоныч с полудня; Сенька командует, Палон исполняет; сиял Сенька (Клычков), Да плевать я хотел на этого Плеваку (Домбровской).

В звуковом отношении связаны имя персонажа и его характеристика: Бережкова – бережлива (Гончаров), Нет, вы серьезно несносны сделались, Розанов, с вашим резонерством, – проговорила, вставая, Лиза (Лесков), Весловский весело поздоровался с Левиным; повеселевший Васенька; ср. явился этот Васенька Весловский; Весловский... заехал в болото и увязил лошадей (Л.Толстой) (Топоров, 1996), Полинька – полненькая барышня-невеста (Ремизов), Василий Лапа, веселый, принаряженный (Чапыгин), ... казалось, не осталось у Тихона ни губ, ни бровей, ни носа; светились одни ласковые глаза, тихие и глубокие, как два темных колодца; Голос Евтихия Лукича пел все нежнее и тише (Б.Садовской), Карасьев, зарядский красавец (Леонов), Ох, Глашка, полно! Оглашенная, право (Аверкиев), роковой Ракеев; Ольга Ивановна Вежина, полная, свежая, в митенках и кружевах... (Набоков), параноидные передоновы (Домбровский). Прозвище Мисаила Полознева (“Моя жизнь” Чехова) – Маленькая Польза.

В “Герое нашего времени” имеют отражения имена разных героев: Бэла побледнела, Вернер ушел в полной уверенности...; Печорина надо проучить; Вера ревнует меня к княжне: она замучила меня своей ревностью; в письме Веры: Если б я могла быть уверена, что ты всегда будешь меня помнить; Я уверена, что ты останешься жив.

Между именем собственным и его звуковым соответствием существуют ассоциативные связи: Домна – дом: Изба скотницы Домны жарко-нажарко натоплена, вся семья дома; Муж Домны, являвшийся домой только по праздникам; Домна... возвратилась домой после соседней пирушки; дом скотницы Домны (Григорович), Дома – мать Домна Львовна (Белый), Зерщиков... зеро (Достоевский), “должно быть, приятно у банщика Вани в горячей ванне” (Ремизов), Меня зовут Рая, потому что я живу в раю (Сологуб), Как много было тайн и в детстве Танюши (Осоргин), Подошла Пелагея к пологу, полог откинула... (Клычков).

С звучанием имени собственного связано метафорическое обозначение персонажа: Волохов – волк (Гончаров), летает ко мне ворон Авенир (Лесков), ... однажды хозяйка принесла радостную весть, что Наташа выходит замуж за Гусаренка. – Этакого гуся выбрала! – негодовала хозяйка... (Л. Андреев).

Паронимические отношения связывают собственное имя и апеллятив, входящие в конструкцию сравнения. Предмет сравнения выражен именем собственным, образ сравнения – созвучным ему апеллятивом: все это, топорща перья, бросится на нас и расклюет со всеми Круппами, как крупу (Кржижановский). В.И. Даль в очерке “Охота на волков” вспоминает, как Пушкин прислал одному офицеру свою книгу, “но забыв прозвание его, написал: “Тому офицеру, который сравнивал вальдшнепа с Валленштейном”.

Между именами собственными возникают и другие отношения, меняющиеся на протяжении небольшого фрагмента текста: Мы, как библейская Руфь... собираем отжатое и отжитое; Руфь собирает Русь; архив Руфь-Руси (Кржижановский).

Предметом изображения становятся ассоциации, которые вызывает имя собственное. Например, в рассказе Набокова “Весна в Фиальте”: Я этот городок люблю; потому ли, что во впадине его названия мне слышится сахаристо-сырой запах мелкого, темного, самого мятого из цветов, и не в тон, хотя внятнее, звучание Ялты. Иноязычные имена осмысливаются через русские созвучные слова: А как было имя перевозчицей фирмы? Мах Лух. Что это у тебя, сказочный огородник? Мак-с. А то? Лук-с, ваша светлость (Набоков).

Имя персонажа может быть окружено разными звуковыми ассоциациями. В рассказе Набокова “Соглядатай” окружена звуковыми отражениями фамилия Смуров: образ Смурова, предназначенный, быть может, жить бессмертно; Смуров, несмотря на свою извращенность...; мое стремление найти настоящего Смурова; вместе с ним умер самый счастливый, самый недолговечный образ Смурова...; Смуров стоял, облокотившись о рояль, и смотрел, смотрел на гладкий Ванин пробор; смутные речи; Да, очевидно, он, бывший офицер, смельчак, партнер смерти; семенил, семенил, семенил...; Ничто не могло смутить меня и т.п.

Круг звуко-смысловых переключек расширяется благодаря тому, что в них включаются слова иных языков: вспомнилась также подслушанная в разговоре старших давнишняя шутка Сперанского, который однажды в письме к приятелю, перехваченном тайной полицией, назвал государя “белым теленком”: “наш Вобан – наш Воблан”, Вобан – знаменитый французский инженер, строитель крепостей (государь в то время осматривал крепости), а Воблан по-французски: veau blanc, белый теленок (Мережковский), Лазарь: застекленевшие навек глаза. Лазарь – глаза – Glas... И еще glas des morts... (Неужели от этого?) (Цветаева).

В паронимические отношения включаются новообразования: бездетное и бездедное (Цветаева).

Некоторые пары слов в прозе повторяются: пить – петь: ели, пили, гуляли, играли в карты, пели, говорили, шумели, веселились (Аксаков), пили и пели (Лесков), Пили и пели песни почти до рассвета (Чехов), Пели, пили мастику (Бунин), Ездили мы на какую-то экскурсию, пили, пели, она что-то там читала (Домбровский), поет, ест и пьет (Гончаров), Пируют до утра, пьют, поют песни (Тургенев), тогда бы он мог смело петь, плясать, пить (Чехов), жаждать – ждаться: ждала и жаждала (Лесков), так долго ждавшее, ненасытно жаждавшее сердце (Л. Андреев), жаждущая и ждущая тщетно влаги земля (Сологуб), давать – давить: Помню, как меня самого давили тогда эти же самые факты и не давали мне ничего осмыслить (Достоевской), И давила, и не давала выбраться (Ремизов), Как с первой до последней минуты давала, – и даже давила! – не давая улечься, умяться (нам – успокоиться), заливала и забивала с верхом... (Цветаева), мела – мыла: вымела и вымыла шкафы, посуду (Гончаров), Ганька мела, мыла, колола (Замятин), глядеть – гладить: долго разглядывала, погладила по головке... (Аксаков), Я тоже гладил этот густой, холодный и глянцевиный мех, глядел на бледное человеческое лицо месяца, на длинную черную избу, на сияющий снегом двор, и думал, подбадривая себя...

(Бунин), ворочать – ворчать: За низкой перегородкой ворчал и шипел самовар; собака ворочалась на только что принесенном сене (Тургенев), Во время одного особенно сильного удара грома он заворочался, сплюнул и проворчал; ... сам Никола Мокрый ворчал, ворочая соборным языком (И.Евдокимов), шипеть – шептать: говорили шипящим шепотом (Чехов), Не прошептал, а прошипел (Булгаков), держать – дрожать: удерживал дыхание, дрожал как в лихорадке (Одоевский), Gigot весь трясся и держался дрожащими руками за бабушкино платье (Лесков), неудержимый дрожащий блеск глаз; Вскочил, дрожал весь. Не держался на ногах (Ремизов), в дрожащих руках рабочих, державших заряженные винтовки (Горький), неудержно переплетающиеся травы, судорожно вставшие к солнцу мохнатые стволы (Замятин), заплакала неудержимо и судорожно (Булгаков), Но что-то подступило к горлу его,хватило неудержимым волнением. Он встал, подошел к Батенкову и проговорил слегка дрожащим голосом (Мережковский), голубой – глубокий: Как хорошо показалось небо, как голубо, спокойно и глубоко! (Л.Толстой), Озеро – глубокое, голубое (Замятин), лежало голубое, прозрачное и глубокое озеро; в голубом глубоком небе; Она делала дали нежно-голубыми и глубокими (Бунин), голубая глубь (Замятин, Ремизов), в глубине голубого неба; над речкой голубое глубокое небо; Я как бы погружаюсь, ухожу в голубую, бездонную глубину... (Соколов-Микитов), По-весеннему радостно голубели глубокие небеса; Белые облака оттеняли и углубляли голубизну небес (Воронский), серый – сырой: Туман, расстилавшийся по морю, собрался в серые скучные сырые тучи... (Л.Толстой), День стоял серый и сырой (Тургенев), Твой собачий мир... накрыло серым, серым веретем — осенним небом (Замятин), Густой туман серым серым одеялом закутывал пустые улицы, дворы (Зазубрин), ... серые, сырые на вид камни (Вс.Иванов), ...глаза у меня все-таки сделаны из того же, что тамошняя серость, светлость, сырость (Набоков), Несколько горстей серой, сырой муки (Гроссман), серые, сырые пески; У него были квадратные плечи и огромное серое ноздреватое лицо, похожее на сырой кирпич (Домбровский), чистый – честный: честной искренности и чистоты душевной (Тургенев), честные, чистые души (Чехов), честнейший теоретик, чистейший бессребренник (Осоргин), ... как можно обидеть такого чистого, прекрасного, наивного, честнейшего человека (Домбровский), нервный – неровный: Как все нервные люди, Галахов был очень неровен (Герцен), Он стал неровен и нервен (Лесков), Но какой непокойный, неровный тон, какой нервный, почти болезненный задор! (Чехов), с нервным и неровным лицом (Грин), нервно, неровно

(Н.Нароков), жестокий – жесткий: Я вспомнил вдруг о Лизиней неблагодарности к Анне Андреевне, об ее жестоком, чудовищном слове давеча, и у меня вдруг зануло за них всех сердце! “Как у них у всех жестко на сердце!..” (Достоевский), жестки, жестоки были ястребиные глаза (А.Н.Толстой), мирный – мерный: Мирный, мерный звон колоколов (Бунин), Постепенно холодный воздух весь наполнился мелодичным, мирным, грустным, мерным, отчасти горьким, едва успокоительным перезвоном печальной и голосистой русской вечерней меди (С.Бобров), сверчок – свечка: Хоть бы какой-нибудь звук, какое-нибудь живое существо, даже сверчок отозвался в углу! Чуть только слышался легкий треск какой-нибудь отдаленной свечки... (Гоголь), Тускло горит одна сальная свечка, сверчок трещит однообразно (Тургенев), ... слышно было, как нагоревшие свечи потрескивают и сверчок за печкой поет уютную песенку (Мережковский), колокол – клик: Мглистое утро с собирающимся снегом перекликается одиноким колокольным перекликом запоздалых и растянутых усердных обеден (Ремизов), Вдруг вдали перекликнулся слабо нежный колокольный хор (Б.Садовской), Широким звуком откликается ей колокол Смольного собора (Ф.Крюков), В ожидании гулкоо одиноко-певучего полночного колокола с Ивана Великого, на который вдруг откликнется сладким медным стоном вся Москва (С.Бобров), удивление – удовольствие: Казалось, они более с удивлением, чем с удовольствием, присутствовали на сих нововведенных игрищах (Пушкин), вот удивленье, вот удовольствие человеку; Я чуть не вскрикнул от удивления и удовольствия (Тургенев), удивление и удовольствие (Гончаров), прочь – порочный: прочь от меня мысль опорочить мою графиню (Сологуб), отстраняя порочную книгу прочь (Платонов), бедная – бледная: бедная Луиза, бледная, как полотно; бледный, бедный нищенский язык (Марлинский), бледная Нева и бедные рыбаки (Гоголь).

Повторяющиеся тропы, осложненные паронимией, относятся в основном к ХХ в.: купола закупаались... (Белый), В кротком вечернем свете купается купол тюремной церкви... (Ф.Крюков); чтоб не нарушить снежный сон (Блок), погружаться в снег сна (Набоков); горбатые сугробы (Клычков), Я смотрел на маски домов, на горбы сугробов... (Набоков), Огромные горбы, сугробы между избами и пуньками (Бунин); Речь Агнессы текла, как ручеек в лесу (Брюсов), ... оба отлично знали, о чем эта двойная, как бы подтравная речь, вдруг выходящая наружу одним ручьем, обоим понятным словом (Набоков); ... светлой, местами алой сталью блестела река в камышах и высокой луговой зелени (Бунин), Глаза его блистали, как сталь (А.Н.Толстой); Пули жалобно пели высоко, в мачтах (Замятин), горячо пели пули

(А.Н.Толстой); яркой, как бусы, брусницы (Клычков), ... краснеет на стежке брусника, точно крупные алые бусы (Соколов-Микитов).

На фоне повторяющейся пары слов появляются все новые паронимические сочетания. В литературе XIX–XX вв. повторяется пара страшный – странный: Они ему показались <...> странны и страшны (Гоголь), странный и страшный сон; странны и страшны казались движения их (Тургенев), Я смотрел на грачей, и мне было странно и страшно, что они летают (Чехов), и странно было то и особенно страшно, как во сне (Л.Андреев), ... человек, рассуждающий так странно и страшно... (Горький), Во всем доме было пусто и как-то странно, страшно пусто!; Все это было так странно и страшно; Что за странная и страшная вещь наше существование...; странен, даже немного страшен ее частый и несмелый взгляд в небо (Бунин), И странно, и страшно теперь в выдуваемых бурей комнатах... (А.Белый), страшные странности (С.Бобров). В то же время слово странный приобретает все новые соответствия: Она странна и стройна (Пушкин), Странная, неустроенная, кошмарная жизнь (Л.Андреев), странная и старинная обратность действия (Набоков), странные, совершенно прозрачные, струящиеся существа (Кржижановский), странная рассеянность (А.Н.Толстой), странные страны (Белый), потрясенная страна (А.Н.Толстой), скоро я стал частым гостем в стране моих долгих и трудных странствий (Кржижановский).

Повторяются и разные соответствия определенного слова, которое приобретает все новые соответствия: пыль – пепел: Эта бедная горсть пыльного пепла (Тургенев), пепел и пыль (Белый), И даже работа его, казалось, потускнела, покрылась каким-то пеплом, пылью (Домбровский), пыль – плесень: с затянутыми пылью и плесенью окнами (Гончаров), вкус пыли и плесени (Осоргин), пыль – полынь: На парах – полынь осыпалась сухой, желтой пылью (Замятин), ... пахло спелой соломой, полынью, дикой рябинкой и пылью (Шмелев), серебристо-пыльная полынь (Катаев), ср. полинявшие, пыльные обои (Марлинский), все семь пыльных и полных комнат (Булгаков). Кроме того, повторяются пары тень – стена, дом – дым, темный – туман, золотой – залитой, веселый – весенний. Эти же пары слов повторяются и в стихах.

Если в прозе XIX в. паронимия распространяется в основном на отдельные словосочетания, то в XX в. конструктивная роль паронимии возрастает и распространяется на развернутые фрагменты текста.

ЛИТЕРАТУРА

- Вишюкур Г.О.* О символизме и научной поэтике // Хрестоматия по теоретическому литературоведению. Тарту. 1976.
- Вишюкур Г.О.* Понятие поэтического языка // О языке художественной литературы. М. 1991.
- Григорьев В.П.* Поэтика слова. М. 1979.
- Кожевникова Н.А.* О звуковой организации прозы А.Белого // Проблемы структурной лингвистики 1981. М. 1983.
- Топоров В.В.* Две заметки из области русской литературы (Тургенев, Толстой) // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. М. 1996.

Е.Л. Гинзбург

ИЗ ЗАМЕТОК ПО ТОПОНИМИКЕ ДОСТОЕВСКОГО. II

К общей теории имени собственного

Конструктивные особенности имени собственного в системе и тексте обязаны его положению в лексической системе.

В качестве языковой категории имя собственное противопоставлено прежде всего термину. В отличие от семантически недефектного имени нарицательного и термин, и имя собственное в качестве единиц языка семантически ущербны – термин имеет сигнификат, но не знает денотата, а имя собственное, ср. (Реформатский, 1967, с.60), наоборот – обладает денотатом, но не имеет сигнификата. Вот некоторые следствия этого обстоятельства.

Денотативно дефектное означаемое термина, это отличает его прежде всего от номенклатурных названий, в пределе полностью предопределено системой. В качестве члена терминологической сети противопоставлений и отождествлений оно абсолютно членимо. Для него актуальна групповая различимость. В известном смысле семантическая форма термина – по крайней мере в том, что касается семантической формы как таковой, если понимать под ней членимость, – могла бы рассматриваться как образец для всех других знаков языка. Соотношение означающего и означаемого в наибольшей степени подчинено доминантам языковой структуры.

В тексте термин самодостаточен и почти не нуждается в поддержке контекста, в идентификаторах. Присоединение идентификатора превращает один термин в другой и отвечает правилам семантического наследования.